

В. Н. Шульгин

ГЕРЦЕН И КОНСЕРВАТОРЫ: ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ

Рассматривается общее и особенное в воззрениях и жизненных убеждениях А. И. Герцена (1812 – 1870) и христианских консерваторов – как русских, так и западных. Доказывается естественность притяжений и отталкиваний между свободолобивым сторонником революционных перемен Герценом и такими же искренними ценителями духовной свободы – консерваторами-самобытниками (свободными консерваторами).

This article considers the common and the unique in the views and beliefs of A. I. Herzen (1812 – 1870) and Christian – both Russian and Western – conservatives. The author emphasizes that the attraction and repulsion between the freedom-loving supporter of revolutionary changes, Herzen, and sincere advocates of spiritual freedom – free conservatives – were only natural.

Ключевые слова: христианство, свободный консерватизм, самобытничество, подражательность, либерализм, радикализм.

Key words: Christianity, free conservatism, imitation, liberalism, radicalism.

В год 200-летия со дня рождения А. И. Герцена уместно вспомнить о нем в контексте развития русской общественно-политической мысли. Очевидные симпатии консерваторов к радикалу Герцену заставляют говорить об общем и особенном в их убеждениях. В 1858 г. Ап. Григорьев в письме к И. С. Тургеневу писал: «Скажите Александру Ивановичу, что, сколько ни противны моей душе его цинические отношения к Вере и бессмертию души, но что я перед ним как перед гражданином благоговею...» [5, с. 236а]. В 1859 г. Григорьев говорил о нем, как о «лондонском консерваторе», подразумевая его любовь к русскому народу, которой не хватало радикалам из лагеря Чернышевского, опозорившим «название либерала» [5, с. 252]. Ю. Ф. Самарин в 1856 г. отправил Герцену в Лондон статью об ошибках подражательной политики Николая I (до него она «не дошла») [7, с. 245]. Позднее, в первой половине 1860-х гг., оба мыслителя встретились в Лондоне.

Важность обращения к исследуемой теме обусловлена значимостью феномена «борьбы и единства противоположностей» в идейной сфере, так и историографическими пробелами. Е. Л. Рудницкая уже сопоставляла воззрения христианского мыслителя П. Я. Чаадаева и либералов [10], правда, высказав и следующее спорное суждение: «Тема "Пушкин – Чаадаев – Тургенев" заслуживает специального изучения как один из моментов... русской либеральной мысли» [10, с. 87] (выделено мною. – В. Ш.).

Исследовательница почему-то отделила Чаадаева от славянофилов [10, с. 199], хотя как сторонники христианской государственности все они выступали против либерализма с его секуляризацией всего и вся.

Непонимание феномена духовно-нравственных притяжений-отталкиваний радикалов и консерваторов заводит в тупик. Так, симпатии Н. М. Карамзина к Ж. Ж. Руссо подчас объясняются «противоречивостью» его взглядов. На самом деле между отдельными представителями консерватизма и радикализма было некоторое единство в отрицательном отношении к либерализму. Крайне левый безбожник В. И. Ленин ненавидел либеральную интеллигенцию, а православные правые о. П. Флоренский и А. Ф. Лосев клеймили позором европейскую «интеллигентщину» вместе, как ими говорилось, с ее «отцом» И. Кантом [13, с. 246; 6, с. 262]. Итак, встает вопрос, почему вожди радикализма и консерватизма сближались в ряде принципиальных оценок.

Известна философема, гласящая, что «крайности сходятся». Так и в политической сфере противоположные фланги, бывает, сближаются в некоторых отношениях. Консерваторов привлекали в Герцене честность и дух народности. То же самое можно сказать и об их симпатиях к Руссо. Модус честности вел Руссо к критике доктринерства. Руссо обличал бесчестность Вольтера, купавшегося в роскоши, но твердившего по либеральной моде, что «на земле все плохо». Руссо писал: «Вольтер, всегда делавший вид, будто верит в Бога, на самом деле верил в дьявола <...> ни за одно из... несчастий нельзя винить Провидение... источником их является... злоупотребление человека своими способностями» [11, с. 374]. Радикальное учение об общественном договоре, ошибочное с христианской точки зрения, Руссо сочетал с противоположной духовной тенденцией, отвращавшейся от одностороннего рационализма с его верой во внешние, «объективные» условия жизни как источник счастья или несчастья. Подобно консерваторам, Руссо критиковал философию рационализма, считая, что никакого «усовершенствованного разума» недостаточно для торжества справедливости, поскольку человек руководствуется еще и слепыми страстями [11, с. 368].

Герцена и самобытников сближала борьба за свободу слова. В письме «московским друзьям» (1849) он не только делился «дежурными» мыслями радикала-атеиста о «грядущей революции», но и говорил о необходимости противостояния либеральной толпе, «образованной, но неспособной» [3, т. 23, с. 188], а также обратил внимание на явление «либерального террора», которое волновало и честных консерваторов, боровшихся за права «мыслящего меньшинства». Не случайно, М. П. Погодин, давний противник безбожия Герцена, отозвался после его кончины так: «...все-таки у меня лежало к нему сердце: мне чуялось, что он любит отечество искренне...» Еще в 1867 г. оба мыслителя обменялись письмами. Первым к старому сопернику обратился Погодин. Герцен не замедлил с ответом: «...строки ваши меня очень обрадовали. Рознь нашу мы оба знаем, но, стало, есть же родная русская бечевка, которая нас связывает». И тут же он высказал свое отрицательное суждение о запад-

ной русофобии, зная, что с этим Погодин спорить не будет. Герцен так оценил мнение французов о России: «Меня в бешенство приводит их высокомерное невежество. Да и немцы не лучше» [3, т. 29, с. 171 – 172].

Герцен во многом разочаровался в поляках. Он частично признал правоту своих оппонентов-самобытников (Ф.И. Тютчева и других), подчеркивавших неблагоприятное воздействие «римского папизма» на польский народный характер. В письме к Н.П. Огарёву (1867) Герцен писал, что Европа взирает на Россию «по-польски» [3, т. 29, с. 195]. Подобные мысли он сообщал историку Ж. Мишле, говоря, что за границей обычно «придерживаются польских источников», но «исстрадавшиеся» поляки «совершенно не знают России» [3, т. 29, с. 274]. Таким образом, помимо нравственных сочувствий Герцена и консерваторов-самобытников сближал дух народности. У Герцена есть множество изъятий любви к русизму. В очерках «С того берега» (1849) он заметил, что сохранит «веру в будущность русского народа» даже тогда, когда будет умирать на чужбине [3, т. 6, с. 20].

Находясь на Западе, Герцен возненавидел его почти так же, как до него братья И. В. и П. В. Киреевские, столкнувшиеся в Германии 30-х гг. со страшной русофобией. Герцен в письме «москвичам» (1851) заметил: «Жизнь европейская огадела мне до невозможности. Всё мелко, всё развратно, всё гнило...» [3, т. 24, с. 160]. В письме к А. А. Чумикову Герцен настаивал на том, что русские – это «народ будущего». Мыслитель писал: «Я нахожу в нашей русской душе, в нашем характере что-то более мирное, нежели в западных европейцах <...> Про Россию говорить это – до того не смешно, что французы (в ней) чают соперника и не стыдятся сознавать, что тут есть сила...» [3, т. 24, с. 200].

Русизм Герцена, подобный таковому у консерваторов-самобытников, основан на знании того, что русское крестьянство всегда ценило гражданскую свободу, что у него не было «рабской психологии», о которой толковали иные западники. Этой теме уделяли внимание Пушкин и Тютчев, коснулся ее и Герцен в работе 1859 г. «Русские немцы и немецкие русские». Объединяет Герцена и свободных консерваторов критика подражательности верхов и интеллигенции – плода Петровских реформ. В «Былом и думах» Герцен так обличал опасность этого недуга: «Мы до сих пор смотрим на европейцев... в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, – с подбострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея от своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая» [2, с. 129]. Подобные суждения характерны и для Карамзина со всеми его последователями. От карамзинской «Записки» (1811) и пушкинского суждения о вреде подражательного образования (1826) до трудов Тютчева, Ап. Григорьева, Достоевского, Розанова протянулась одна мощная линия суждений о необходимости возрождения самобытности во всех сферах национальной жизни, поскольку Россия – это «отдельная» мировая сила. Карамзин сказал о недопустимости правительственного унижения русских «в их собственном сердце», Пушкин заявил о вреде «чужеземного идеологизма», Тютчев обличил «русофобию некоторых

русских» подражателей, причем «высокопоставленных», а Достоевский и Розанов в духе Хомякова и Киреевского призвали покончить с заимствованной «маргарвиной» эпохой «чужебесия» и «баден-баденства».

Достоинство же творчества Герцена заключается в том, что его труды стали одним из факторов развития самобытного творчества. Обоснованность этого вывода подтверждается как суждениями самого Герцена, так и отзывами о нем. В «Былом и думах» отдана дань признательности славянофилам за «открытие» ими «стихий русской жизни», спрятанных «под удобрием искусственной цивилизации», навязанной Руси [2, с. 430]. Герцен одобрил деятельность славянофилов (эту же мысль позже повторит гениальный В.В. Розанов): «Славянизм, или русицизм, не как теория, не как учение, а как оскорбленное народное чувство, как... верный инстинкт, как противодействие исключительно иностранному влиянию существовал со времени обривания первой бороды Петром I» [2, с. 431].

Герцен постоянно высказывал подобные суждения, предвосхищая многие позднейшие выводы консервативной мысли. Вот цитаты из работы 1859 г. «Русские немцы...». Герцен ценил славянофилов за «высвобождение мысли» от «колодок немецкой работы». Они вырвали Россию из «униженности» и пленения, «мы кончили ученическое подражание» и поняли, что следует «становиться на свои ноги». Герцен видел их заслугу и в противостоянии западному либерализму, отвращавшему от духа народности: «Надо правду сказать, что либерализм нигде не отличался глубоким знанием народа, особенно сельского. Либерализм вообще явление переходное, развившееся в городской цивилизации...» Словом, славянофилы способствовали возрождению веры России в собственную цивилизующую мощь. Герцен отмечал: «Трудно своротить русский народ с его родной дороги, он упрется... вращет в землю и притаится спящим, мертвым. Петровская эпоха — лучшее доказательство...» Предвосхищая думы Ф.И. Тютчева об «особенности» России, Герцен отверг либеральный глобализм, утверждавший, что есть только одна передовая цивилизация — западная. Он писал: «Откуда экономическая наука вывела этот закон? Она порядком знает только одно экономическое развитие германо-романских народов». Да и дух Руси другой: «Мы не западные люди, мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови...» [4, с. 263–308].

Герцена ценили не только русские консерваторы, но и англичанин Т. Карлейль [1, с. 29], на которого «произвели сильное впечатление» герценовские работы «С того берега» и «Письма из Франции и Италии». Два мыслителя впервые встретились в 1852 г., сойдясь в отрицательном отношении «к ужасам кровавых революций», но разойдясь в восприятии демократии и социализма [8, с. 49–50; 13]. Об этом расхождении свидетельствует письмо Карлейля Герцену (от 13.04.1855 г.) [14, р. 427–428]. В переводе на русский оно было помещено в издании «Былого и дум» [3, т. 11, с. 537–538]. Карлейль высоко ставил «трагическую честность» Герцена, отвергая его революционаризм, выступая апологетом Российской империи в связи с деградацией Запада. Он писал: «...я несравненно больше предпочитаю именно царизм <...> той чистой

анархии... рождающейся от "парламентского красноречия", свободной прессы и подсчета голов <...> В вашей огромной стране, которую я всегда почитал огромным, неясным "даром провидения" <...> очевиден один талант, в котором она первенствует и который дает ей мощь, далеко превосходящую другие нации: это <...> талант смирения, который именно сейчас вышел из моды <...> нисколько не сомневаюсь, что отсутствие его будет, рано или поздно, вымещено до последнего фартига...» (выделено автором. — В. Ш.) [14, р. 428; 3, т. 11, с. 537]. Выражение Карлейля *the talent of obeying*, которым он характеризует достоинство русского народа, я перевожу как талант смирения, что представляется более точным, чем талант повиновения, поскольку Карлейль имел в виду именно сохранившееся в России живое христианское чувство (Ср.: Мф., 11–29).

Апологетические суждения Карлейля о России не были случайностью. Об этом сказал американский консерватор Р. Эмерсон, полвека общавшийся с Карлейлем. Выступая в Бостоне после смерти друга в 1881 г., Эмерсон обратил внимание на его христианско-монархические воззрения. Карлейль, по словам Эмерсона, с надеждой взирал на Россию: «Он относился к ним (демократам. — В. Ш.) с презрением <...> они восхваляли республики, а он любил русского царя...» Эмерсон вспоминал: «Царь Николай был его героем. В бесславной Европе, где троны падали как карточные домики и не находилось никого из монархов, кто обладал бы сознанием своей правоты <...> лишь он один верил, что поставлен Господом Вседержителем править своей империей <...> имея решимость стоять до конца» [15, р. 838, 840–841]. Другими словами, Николай I был единственным героем 1848 г. для «серьезного» Карлейля, воззвавшего к провидению.

Суждения Карлейля и Эмерсона подтверждают, что христианские консерваторы ценили в Герцене критика либерализма, отвергая его неприятие законной христианской государственности. Русские консерваторы-самобытники также были единодушны с Герценом в критике остзейского уклона Николая I, напуганного дворянами-декабристами в 1825 г. Однако Пушкин, Тютчев, И. Киреевский, а также другие славянофилы и почвенники в отличие от Герцена никогда на основе отхода верховной власти от русской идеи не делали вывода о незаконности царства. Наоборот, они ощущали богодухновенность монархии, фиксируя недопустимое ее отклонение от духа народности. Свободные консерваторы боролись за исправление этого последствия подражательности, за самобытное возрождение Царства.

Высказывания Карлейля перекликаются со словами П. Я. Чаадаева и выводами русской свободно-консервативной мысли в целом. Их общей основой было Христианство. В «Апологии сумасшедшего», письмах к Пушкину и других работах Чаадаев утверждал, что русские «призваны... ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». Предшествуя Карлейлю, он указывал на «великое будущее» России, вытекающее из наличия у нее церкви, «столь смиренной», подчас «столь героической». На Запад же «надвигается ужасная гибель». Должен родиться «новый мир», обновленный во Христе. Роль России клю-

чева: «русский народ, великий и мощный, должен <...> не подчиняться воздействию других народов, но с своей стороны воздействовать на них». Россия, писал Чаадаев Тютчеву, должна осознать православную «великую идею», «заложенную в нашу душу рукой провидения» вместе с «пристрастием к самоотвержению и самоотречению» [12, с. 48, 157, 159, 221, 232, 341] (курсив автора. — В. Ш.).

Итак, мы вправе заключить, что философская истина о борьбе и единстве противоположностей вполне применима к изучению соотношения воззрений Герцена и христианских консерваторов. Между ними была известная степень близости как следствие общего для них устремления к торжеству истины с опорой на дух народности. Их партийные пристрастия отходили на второй план, вперед выступала гражданская честность в намерении завоевать духовную свободу для своего отечества и добиться самобытного народного развития, завершив подражательную эпоху Петра Великого.

Список источников и литературы

1. Володин А.И. Герцен и Запад // Литературное наследство: Герцен и Запад. М., 1985.
2. Герцен А.И. Былое и думы. Минск, 1971.
3. Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954—1966.
4. Герцен А.И. Соч. : в 9 т. М., 1958. Т. 7.
5. Григорьев А.А. Материалы для биографии / под ред. В. Княжнина. Пг., 1917.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001.
7. Медовичева Т.А. Комментарий // Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997.
8. Патридж М. Герцен и Англия // Литературное наследство: Герцен и Запад. М., 1985.
9. Патридж М. А. Герцен и его английские связи // Проблемы изучения Герцена. М., 1963.
10. Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции : науч. тр. М., 2007.
11. Руссо Ж.Ж. Исповедь // Избр. соч. : в 3 т. М., 1961. Т. 3.
12. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
13. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М., 2003.
14. Carr E. Romantic Exiles. L., 1933.
15. Emerson R.W. The Selected Writings / ed. by B. Atkinson. N. Y., 1992.

Об авторе

Владимир Николаевич Шульгин — д-р ист. наук, проф., Балтийский государственный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

About author

Prof. Vladimir N. Shulgin, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru